

- ¹¹ Стремоухов А.М. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1900–1905 гг. СПб., 1905.
- ¹² Хрулев С.С. Каторга в Сибири // Тюремный вестник. 1899.
- ¹³ Колосок С.В. Развитие пенитенциарной системы России в конце XIX — начале XX веков: Дореволюционная историография проблемы // Сибирский Юридический Вестник. 1990. № 4.
- ¹⁴ Исаев М.И. Основы пенитенциарной политики. М., 1927.
- ¹⁵ Калинин М.И. Вопросы советского строительства: Статьи и речи. (1919–1946). М., 1958.
- ¹⁶ Крыленко Н.В. Как устроен и работает Советский суд. М., 1925.
- ¹⁷ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 21.
- ¹⁸ Стучка П.И. Учение о государстве и конституции РСФСР. М., 1922.
- ¹⁹ Бехтерев Ю.Ю. Изучение личности заключенного. М., 1928.
- ²⁰ Утевский Б.С. Советская исправительно-трудовая политика. М., 1934.
- ²¹ Цирвингт Е.Г., Утевский Б.С. Советское исправительно-трудовое право. М., 1927.
- ²² Смыкалин А.С. Указ. соч. С. 24.
- ²³ Там же. С. 26.
- ²⁴ Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития системы ИТУ Советского государства 1917–1985 гг. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1992.
- ²⁵ Смыкалин А.С. Указ. соч.
- ²⁶ Applebault A. Gulag: a history. Random House, Inc. N.Y., 2003.
- ²⁷ Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991.
- ²⁸ Даллин Д., Никольский Б. Принудительный труд в СССР. Лондон, 1948.
- ²⁹ Jakobson M. Origins of the GULAG: The soviet prison camp system: 1917–1934. Kentucky: The University Press of Kentucky, 1993.
- ³⁰ Гринберг М.С. Уголовное право как феномен, несовместимый с бесправием и произволом // Государство и право. 2005. № 9. С. 46–53.
- ³¹ Детков М.Г. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 гг. М., 1992.
- ³² Кириллов В.М. История репрессии в Нижнетагильском регионе Урала. 1920–1950 гг. Нижний Тагил, 1996.
- ³³ Портнов В.П. Законодательство об ИТУ РСФСР в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) // Сб. науч. тр. ВНИИ МВД СССР. М., 1979. № 51.
- ³⁴ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1990.
- ³⁵ Дьяков Б.А. Повесть о пережитом. М., 1966.
- ³⁶ Разгон Л.Э. Непридуманное. М., 1988.
- ³⁷ Шаламов В.Т. Виноград. М., 1989. Он же. Кольмские рассказы. М., 1992.
- ³⁸ Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997.
- ³⁹ Красильников С.А. Советская система принудительного труда: некоторые черты и особенности формирования в конце 1902-х — первой половине 1930-х гг. // Социокультурное развитие Сибири (XVII–XX века): Бахрушинские чтения 1996 г. Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 1998.
- ⁴⁰ Сулов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). Екатеринбург–Пермь, 2003.
- ⁴¹ Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 гг. // Свободная мысль. 1992 № 13. С. 73–84.

*И.В. Побережников
(Екатеринбург)*

РОЛЬ ДИФфуЗИИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

К числу важнейших механизмов социальных изменений принадлежит диффузия, то есть распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения их адаптивности ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям. Процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчающих интерсоциальные контакты и взаимодействия внутри обществ.

Роль диффузии в истории трудно переоценить — именно в форме диффузии происходило распространение производительных технологий из первоначально немногочисленных регионов-«очагов» по всему миру в период «неолитической революции»; трансляция письменности, алфавитов, мировых религий сопровождала становление и развитие цивилизаций в

* Статья подготовлена при содействии РГНФ (проект № 04-01-83117а/У).

период «городской» и «осевой» революций (терминология Ш. Ито)¹. Распространение технологий, организационных моделей, культурно-идейных ценностей в значительной степени ускорило процессы модернизации во всем мире в XVI–XX вв. Весьма распространенная в Европе модель абсолютистско-полицейского государства являлась упрощенной версией популярной в Германии XVII–XVIII вв. утопии так называемого полицейского государства. Известно, как широко растекались в XVIII в., переступая государственные границы, идеи Просвещения в Европе и в Новом Свете, каков значительное влияние они оказывали на политические и социокультурные процессы². Индустриализация, развернувшаяся первоначально в Великобритании во второй половине XVIII в., также осуществлялась во многом в результате диффузии, а не независимого развития в рамках отдельных сообществ³. В условиях современного «информационного» общества колоссальный рост уровня диффузии способствует превращению земного шара в своего рода, по выражению М. Маклюэна, «глобальную деревню».

Экзогенные аспекты невозможно обойти при обсуждении вопросов модернизации, т. е. сущности перехода от традиционного к индустриальному, современному обществу. Конкретно-исторические исследования свидетельствуют о значимости внешних влияний, импорта технологий и институциональных моделей в национально-страновых контекстах процессов модернизации. Общеизвестна существенная роль диффузии, импорта институтов, в частности, в ходе петровской модернизации в России, мэйджийской — в Японии. Оба случая в высшей степени интересны как исторические примеры преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательного включения в национальный контекст институциональных практик и идей, заимствованных за рубежом.

Методология диффузионизма. Диффузионизм возник в конце XIX в. как реакция на эволюционизм, противопоставив абстрактно-всеобъемлющим концепциям последнего анализ конкретно-исторических проблем. Основой диффузионизма послужила идея культурно доминирующих центров. Целью диффузионизма было «картирование» пространственного распространения культур/отдельных культурных элементов, реконструкция центров, районов их происхождения и маршрутов трансляции.

В рамках школы диффузионизма сложилось несколько течений, наиболее важными из которых являлись *историко-географическое направление* (Э. Норденшельд, Р. Хайне-Гельдерн, К. Биркет-Смит; ставили в качестве своей задачи восстановления временной последовательности культурного развития на основе изучения распространения культур); *учение о культурных кругах* или *культурно-историческая школа* (Ф. Гребнер, В. Шмидт, В. Копперс; учение преемственно связано с антропогеографической теорией Ф. Ратцеля и с «культурно-морфологической» теорией Л. Фробениуса; развивалось преимущественно применительно к истории первобытного общества; предполагалось наличие нескольких изначальных культурных кругов; развитие объяснялось как следствие перемещения целых культурных комплексов или смещения отдельных элементов культур одного культурного круга с элементами другого); *теория культурных ареалов* (К. Уислер, Э. Сепир, К. Кребер; сторонники данного течения исходили из наличия тесной взаимосвязи между географической средой и развитием культуры); *гелиолитическая школа* (Г. Эллиот-Смит, У. Перри, У. Риверс; выводили культурное развитие из Древнего Египта)⁴. Г. Эллиот-Смит (гелиолитическая школа) ввел в теорию социальных изменений понятие доминирующих центров культуры. Таким центром для него являлся Древний Египет. По мнению Смита, необычное стечение обстоятельств привело к колоссальному рывку в культурном развитии Египта около 3000 лет до н.э., когда имели место стремительное совершенствование агрикультуры, обработки металлов, производства орудий труда, создание более эффективной политической системы. Впоследствии культурные инновации распространились из Египта по всему средиземноморью и всему миру. Смит счи-

та, таким образом, что изобретательность древних египтян стала «причиной» социальных сдвигов во всех частях земного шара. Конечно, подобные представления устарели. Однако принцип, заложенный в их основе, — представление о контактах и диффузии как механизмах социальных сдвигов — может быть плодотворно использован и сегодня.

Понятие «диффузия» широко используется в современных социологических теориях, применяемых при изучении социальных изменений. При этом *диффузия* интерпретируется как процесс, посредством которого инновации или культурные элементы распространяются от одного общества к другому или от одной социальной группы к другой внутри одного общества⁵. Социальные изменения чаще всего вызываются инновациями следующих трех типов: 1) новые технологии (автомобиль, например, революционизировал городской ландшафт и характер жизни горожан; по мнению У.Ф. Огберна, изобретение стартера, облегчившее и упростившее управление автомобилем, напрямую способствовало эмансипации женщин, позволив им войти в деловой мир и трансформировав их роль в рамках семейных отношений); 2) культурные новшества (новые верования, ценности, идеологические конструкции; так, по мнению Р. Нисбета, идея прогресса стимулировала стремительные технологические трансформации в Западной Европе на протяжении XVII–XVIII вв.); 3) новые формы социальной структуры (например, бюрократическая организация в свое время явилась новым типом социальной структуры, призванной справляться со сложными административными задачами, спровоцированными обществом *modernity*).

В качестве «факторов» диффузии называются путешествия, миграции, торговля, войны. Установлена обратная зависимость между развитием обществ и расстоянием от них до «высоких центров» цивилизации. Чем более удалены от таких центров общества, тем более они изолированы, тем более велика для них вероятность замедленного и маргинального развития. Признается, что сама возможность заимствований ускоряет общественный прогресс. В свою очередь, развитие транспорта и коммуникаций существенно расширяет возможности контактов и заимствований между обществами.

Процессы диффузии отличаются значительным разнообразием. Д. Шон выделил две модели диффузии: центр-периферийная и пролиферации (размножения) центров⁶. Модель «центр-периферия» (один источник инноваций и множество реципиентов) предполагает, что распространение нововведения осуществляется и контролируется из одного центра. В этом случае эффективность процесса диффузии зависит от энергии и ресурсов центра, от его умения создавать и контролировать обратные связи.

Данная модель представлена в двух вариантах: 1) модель магнита (например, в XIX в. в университеты Германии приезжали студенты из разных частей мира, затем, возвращаясь в свои страны, способствовали распространению там усвоенных ими знаний); 2) модель «средневекового барда», который, путешествуя, демонстрирует и внедряет нововведения.

Модель размножения (пролиферации) центров (реципиенты сами становятся инноваторами) по-прежнему отводит главную роль центру, но при этом предполагает децентрализацию процесса управления диффузией. На местах создаются локальные центры, которые самостоятельно распространяют нововведения, учитывая местную специфику. Так, римская армия, занимая новые территории и подчиняя местное население, распространяла римский образ жизни. Согласно данной модели, по мнению Д. Шона, происходило распространение христианства, индустриализма, колониализма и коммунизма.

В монографии «Диффузия инноваций» (Нью-Йорк, 1983) Эверетт М. Роджерс разработал теоретическую модель изучения диффузии. Решающими моментами в процессе диффузии, по мнению Роджерса, являются: 1) сама *инновация* (которая может быть и технологическим усовершенствованием, и социальным движением, и новым продуктом, и какой-то причудью, причудой); 2) *каналы*, посредством которых передается, презентруется (устная ком-

муникация, реклама и т.д.); 3) *время*, необходимое для подобной передачи; 4) члены *социальной системы*, которым предстоит усвоить инновацию.

Э. Роджерс выделяет пять стадий усвоения инновации: 1) *Стадия осознания* (индивид узнает о новой идее, но еще не обладает достаточной и надежной информацией о ней); 2) *Стадия заинтересованности* (индивида увлекает новая идея, и он стремится узнать о ней «о-гольше»); 3) *Оценочная стадия* (индивид оценивает применимость идеи к своему настоящему опыту и прогнозируемым ситуациям в будущем и принимает решение, стоит или не стоит подвергнуть данную идею практическому испытанию); 4) *Испытательная стадия* (индивид использует инновацию на практике в небольшом масштабе, чтобы определить ее полезность); 5) *Стадия усвоения* (индивид принимает инновацию).

Поскольку динамика усвоения инновации в значительной степени зависит от характеристик самой инновации, Э. Роджерс выделяет 5 характеристик инновации, которые оказывают наибольшее влияние на темпы ее усвоения: 1) *Относительное преимущество* указывает на степень превосходства инновации в сравнении с идеями и продуктами, которые ей предстоит заместить. Данная характеристика определяется такими параметрами, как эффективность, стоимость, новизна, осязаемая выгода; 2) *Совместимость* — степень согласованности инновации с принятыми ценностями, опытом, потребностями реципиента (Так, например, технологии контроля за рождаемостью могут показаться многим обществам несовместимыми с существующими у них традициями, ценностями и верованиями); 3) *Сложность* определяется степенью трудностей в усвоении и использовании инновации; 4) *Испытуемость* — степень, в которой инновация может быть опробована в ограниченном масштабе. Преимуществом для инновации считается возможность ее предварительного испытания; 5) *Очевидность* означает видимость, эффективность результата принятия инновации для окружающих.

Далее, Роджерс выделяет 3 типа принятия решений по поводу усвоения инновации: 1) *Факультативный*, когда индивидуум имеет возможность выбора относительно того, принимать или не принимать инновацию; 2) *Коллективный*, когда большинство членов сообщества должно убедиться в необходимости принятия инновации; 3) *Авторитарный*, когда решение о принятии инновации навязывается социальной системе «сверху». При этом Роджерс рассматривает коммуникативные каналы как фактор, воздействующий на динамику принятия инновации. Межличностное общение, как он считает, является более значимым по сравнению со средствами массовой информации при принятии индивидом решения об усвоении сложной инновации.

В качестве идеальных типов Э. Роджерс выделяет 5 категорий участников диффузии: 1) *Инноваторы*, желающие испытать (применить) новые идеи. Они должны обладать такими качествами, как дерзость, готовность к риску, ответственность за последствия своих действий; 2) *Ранние заимствователи* (Early adopters), более интегрированные, по сравнению с инноваторами, в социальную систему. Это индивиды, стремящиеся к известности, успеху, уважению; 3) *Раннее большинство* — эти люди принимают новые идеи несколько ранее, нежели основная масса социальной системы. Они более осторожны, способны легитимизации инноваций, хотя сами редко выступают в качестве лидеров; 4) *Позднее большинство* — следуют в процессе принятия инноваций за средним большинством социальной системы; для них принятие инноваций зачастую обуславливается социальным давлением или экономической необходимостью; 5) *Узавыни*. Они с подозрением относятся к инноваторам и агентам социальных перемен, являясь носителями традиционных ценностей; принимают социальные новации последними⁷.

Шведским географом Т. Хегерстрандом разработана пространственная модель диффузии нововведений, в рамках которой на основе изучения восприятия агротехнических нововведений в центральной Швеции были выделены четыре стадии диффузии: *первоначальная*,

которая характеризуется резким контрастом между источником нововведений и периферийными районами; *вторая стадия*, когда образуются новые быстро развивающиеся центры в отдаленных районах, откуда распространяются нововведения; *стадия конденсации*, на которой происходит одинаковое распространение нововведений во всех местах, и *стадия насыщения*, характеризующаяся медленным подъемом до максимума⁸. В общем и целом диффузия может рассматриваться как один из важнейших механизмов социальных изменений.

Диффузия в контексте модернизации. Для понимания общего контекста распространения нововведений необходимо привлечение модернизационного подхода. В целом модернизационной парадигме присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий традиция и современность, оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей.

В социологических теориях модернизации «классического» периода (1950–1960-х гг.) сам процесс перехода от традиционного к современному обществу рассматривался обыкновенно как «вестернизация» или «европеизация» (например, С.М. Липсет, Д. Лернер, М. Леви, Г. Алмонд). При этом диффузионные модели, как противоречившие эволюционистской по своей природе теории модернизации, фактически не использовались для объяснения механизмов изменений в модернизирующихся обществах⁹. В современных вариантах теории модернизации понятия модернизации и вестернизации были разведены; получили признание различные пути развития, в частности: вестернизации без модернизации, модернизации без вестернизации, догоняющей модернизации (С. Хантингтон).

Как нам думается, в ракурсе нашего исследования целесообразно использование адапционно-аккультуративной модели, как в наибольшей степени соответствующей задаче реконструкции механизмов диффузии. В основе данной модели лежит эволюционистская гипотеза о вариативности и приспособления как оптимальном способе выживания и развития обществ. Модернизация, согласно данной модели, позволяет лучше адаптироваться, действовать эффективнее, удовлетворять более разнообразные потребности большего числа людей и на более высоком уровне.

Предпосылкой модернизации при этом является сосуществование различных обществ, создающее предпосылку для сопоставления. Отставшие в развитии общества, после сопоставления собственных параметров с характеристиками более развитых обществ или в результате контакта с более развитыми обществами и культурами, вынуждаются к модернизации, дабы не потерпеть поражения в состязании с успешными вперед, не оказаться в зависимом от них, в конце концов, чтобы улучшить у себя качество жизни. Процесс адаптации может подталкиваться «снизу» и осуществляться постепенно. Ускорить его способна образованная элита, осознавшая необходимость реформирования общества. Однако, стремление широких масс к модернизации может опережать модернизационные интенции элиты или даже идти вразрез с ее интересами. В этом случае формируются предпосылки для появления новой элиты, которая смекает консерваторов и приступает к реализации реформаторского потенциала общества. Осознание преимуществ современной модели по сравнению с традиционной происходит спонтанно, благодаря «демонстрационному эффекту» «продвинутых» обществ с их более высокими стандартами жизни.

Итак, данная модель предполагает принятие образцов поведения, жизненных стилей, образовательных технологий более развитых культур, ведущее к конвергенции различных культур. При этом в рамках данной модели модернизация не обязательно приводит к поло-

жительным результатам; выборочная трансплантация культурных элементов может вести не к замене традиционных институтов, но к их ухудшению, деформации, а в некоторых случаях — к самым разнообразным культурным и социальным аномалиям.

В рамках данной модели большое значение придается механизму диффузии, т.е. процессу, посредством которого инновации или культурные элементы распространяются от одного общества к другому или от одной социальной группы к другой внутри одного общества.

Сторонники модернизационного подхода признают возможность различных путей перехода от традиционного к современному обществу¹⁰, т.е. различные национально-страновые последовательности решения в процессе модернизации тех или иных задач, разные варианты соотношения традиционализма и инновационизма и т.д. Естественно, при разных вариантах перехода к современному обществу диффузия будет играть различные роли. Это можно проиллюстрировать, опираясь на типологию модернизационных процессов, предпринятую Сирилом Блэком в работе «Динамика модернизации», впервые изданной в 1966 г.¹¹

Целью типологии на основе выделенных С. Блэком критериев является сопоставление обществ в соответствии с характерными политическими проблемами, с которыми сталкивались модернистские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировка стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем. С. Блэк выделяет «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ: 1) страны ранней самостоятельной эволюционной комплексной модернизации, отличающиеся ярко выраженной внутренней природой вызова современности, высокой степенью континуитета состава территории и населения в эпоху modernity и оптимальной адаптивностью традиционных институтов к модернистским функциям (Великобритания и Франция); 2) «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете, для которых были характерны более поздние сроки модернизации, внутренний характер непосредственного вызова modernity, наличие развитых институтов и не обремененной наследием прошлого подвижной социальной структуры, способных адаптироваться к функциям современности, наличие обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, фактор иммиграции, создававший проблему ассимиляции, фундаментальные перегруппировки состава территорий и населения и продолжительные периоды колониальной зависимости на начальном этапе (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия); 3) разнородная группа стран Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или косвенным воздействием ее импульса, но при этом имела место длительная внутренняя разработка модернистских идей и институтов, составивших вклад фундаментальной значимости в формирование современного образа жизни, еще в предшествующую эпоху были разработаны институты, способные адаптироваться к функциям современности, наблюдались продолжительные периоды насильственной перегруппировки территорий и состава населения, трудный процесс строительства наций и социальной интеграции (Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, Германия, Италия, Испания, Дания, Норвегия, Швеция); 4) «филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете, для которых были характерны более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, достижение национальной независимости в неокOLONIALISTСКОЙ форме, имевшей тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни, численное доминирование неевропейского населения, блокировавшее расширения эффективного гражданства и способствовавшее растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полу- или неевропейского населения (страны Латинской Америки); 5) также весьма неоднородная группа обществ, сумевших отстоять независимость благодаря длительному опыту централизованно- бюрократического управления, своеобразной эффективности традиционных правительств,

созданию территориальных и демографических основ своих государств в доиндустриальный период, модернизовавшихся самостоятельно и постепенно, под эгидой собственных традиционалистских правительств, но под косвенным влиянием обществ более ранней модернизации, сохранивших в значительной степени изначальный состав территории и населения (Россия, Япония, Китай, Иран, Турция, Афганистан, Эфиопия и Таиланд); 6) бывшие колонии Азии и Африки, население которых сумело разработать достаточно высоко развитые традиционные культуры (на основе ислама, индуизма и буддизма), ставшие залогом относительно успешного взаимодействия с культурами современных «постколониальных» обществ в процессе их адаптации (в целом крайне сложной и незавершенной) к модернистским функциям; 7) ряд районов Африки к югу от Сахары, бывших колоний, не разработавших собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности, вынужденных в силу этого напрямую заимствовать от более современных обществ модернистские идеи и учреждения¹².

Типологическая схема, разработанная С. Блэком, позволяет высказать некоторые соображения по поводу факторов, определяющих значимость диффузии в том или ином варианте модернизации. Очевидно, что общества, выступающие пионерами модернизации, не предрасположены к заимствованиям новаций извне (первый тип). Им приходится в большей степени полагаться на собственные ресурсы и модели. «Последователи» в этом плане оказываются в более благоприятной ситуации; страны, прошедшие первые этапы модернизации ранее, демонстрируют им положительные и отрицательные стороны тех или иных новаций, позволяя, таким образом, не только воспользоваться этими новациями, но и избежать совершенных ранее ошибок. Существенное воздействие на режим диффузии оказывает наличие или отсутствие в стране ценностей и институтов, адаптируемых к потребностям *modernity*. Отсутствие подобных ценностей и институтов вынуждает общество к заимствованиям их (седьмой тип). Однако, не следует рассматривать данную зависимость чересчур прямолинейно. Как свидетельствует опыт стран пятого типа, согласно схеме С. Блэка, общества, сумевшие создать эффективную государственность на традиционалистской основе, могут в течение длительного времени полагаться на автохтонные образцы поведения. При этом необходимо иметь в виду, что даже в случае ограниченных заимствований извне, модернизирующееся общество, очевидно, должно постоянно прибегать к полнокровной («внутренней») диффузии.

Итак, модернизация не всегда связана с диффузией (пример — Англия эпохи промышленного переворота), но в конкретных условиях России XVIII—XIX вв. имела место в значительной степени именно «диффузионная» модернизация, в связи с чем, например, в работах А.Б. Каменского и А.Н. Медушевского петровские преобразования характеризуются одновременно как модернизация и европеизация. При этом мы предполагаем, что диффузия не всегда эквивалентна модернизации. Диффузионные процессы могут как совпадать с модернизационными, обеспечивая в таком случае развитие, так и протекать в иных плоскостях. В последних ситуациях диффузия может не оказывать влияния на темпы модернизации (быть по отношению к ней нейтральной), а может и тормозить развитие.

Для анализа внешних «вызовов», выступавших иницилирующими импульсами формирования «целочелю» нововведений, недостаточно использование теорий модернизационного подхода и диффузии. Последние следует дополнить концептами «селективной восприимчивости», «селективной инкорпорации» (определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами) и «сравнительной динамики» (процесс, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ) Р. Робертсона, а также «межсоциетального подражания» (подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами) Д. Уэстия.

По мнению Д. Уэстни, межсоциетальное подражание («cross-societal emulation») уже в конце XIX столетия тесно связало западные общества и обеспечивало их определенную конвергенцию: «значительным было подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами (особенно в военной сфере) и оправдываемое идеологиями, которые подчеркивали однонаправленность и «прогресс» исторической эволюции»¹³.

Роланд Робертсон, опираясь на концепт «селективной восприимчивости» (ориентированный на определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами¹⁴, разрабатывает свой концепт «селективной инкорпорации», которым предлагает дополнить «межсоциетальное подражание» Д. Уэстни. Как считает Р. Робертсон, именно подражание и/или инкорпорации стали центральными компонентами в процессах формирования и трансформации обществ во всем мире. Роль указанных компонентов стала особенно очевидной после того, как сформировались государства-нации, и значительно усилилась по мере роста глобализации. Подражание и избирательное включение — норма, а не исключение, условие жизнеспособности и даже выживания для наций и обществ, утверждает Р. Робертсон. Он вводит в научный оборот еще одно понятие — «сравнительная динамика» — для обозначения процесса, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ. Именно «сравнительная динамика», считает Р. Робертсон, дает преимущества отдельным сообществам, способствует их росту в отдельные периоды времени, превращению в общества-лидеры и образцы для копирования. При этом он отмечает, что способности обществ к «сравнительной динамике» серьезно варьируются; так, страны, входившие в социалистический лагерь, были заметно ограничены в возможностях эффективных сопоставлений и избирательной инкорпорации.

Вообще, по мнению Р. Робертсона, систематическое, насколько это возможно, понимание путей, посредством которых сравнение стало естественным аспектом строительства и трансформации наций-государств, является главной задачей социальных мыслителей конца XX в. Лишь выполнив эту задачу, считает он, мы сможем «вернуть модернизационную перспективу обратно» в сферу социальной науки. При этом решение указанной задачи требует от исследователей комплексного постижения того, каким образом в действительности осуществляются сравнения с так называемыми «референтными обществами» (терминология Р. Бендикса); каким образом внутри общества происходит конкурентная борьба и возникают конфликты по поводу того, что и до какой степени необходимо заимствовать; каково при этом институциональное положение влиятельных акторов; какую роль играют интеллектуалы и т.д.¹⁵ Указанные концепты позволяют сформулировать объяснительную схему динамики межстранового конкурентного сопоставления и заимствования нововведений.

Особо следует коснуться вопроса укоренения нововведений. Признавая существенную роль диффузии в процессе социальных изменений, мы не склонны понимать ее буквально, упрощенно, как простой механический перенос каких-либо явлений в пространстве. Мы исходим из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортируемыми технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом. Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными).

Данный тезис хорошо иллюстрирует наблюдение М. Малиа по поводу распространения в Европе пришедших на место «старого порядка» (*l'ancien régime* — то есть, абсолютная монархия, узаконенная социальная иерархия, монополия государственной церкви) структур *modernity*, характерных для Нового времени: «Так, начав с передового атлантического Запада, силы демократии и индустриализма, либерализма и социализма, классицизма и романтизма

двигались с Запада на Восток. Однако в процессе этого движения каждый из этих аспектов современной цивилизации преобразался, а иногда и искажался, по мере проникновения в неравномерно развитые зоны. Таким образом, внутри большой Европы существует ряд подразделений: англо-французский Запад, германский Центр, славянский Восток и средиземноморский Юг. Кроме того, существует дальний Запад — за Атлантическим океаном, в Америке, — сочетающий в себе элементы всех европейских подразделений»¹⁶.

Итак, заимствование явлений не всегда сопровождается переносом его системных признаков, т.е. места и роли, которыми они обладают в системе культуры-донора. Более того, возможны случаи традиционалистской реакции и отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения.

Для объяснения результирующих процессов диффузии инноваций и формирования нового социального контекста представляется продуктивным использование концепции частичной (или частичной, фрагментированной) модернизации, в основе которой лежит идея обоюдного влияния и взаимообусловленной трансформации импортируемых инноваций и эндогенных традиций. При этом сам процесс модернизации приобретает новое видение — как поток социальных изменений, ведущий к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее (или не-) модернизированных структур¹⁷.

Следствием осуществления фрагментарной модернизации становится появление анклавно-конгломератного общества (его концепция успешно разрабатывается отечественными исследователями А.Д. Богатуровым и А.В. Виноградовым), которое характеризуется длительным сосуществованием и устойчивым воспроизводством пластов разнородных модельно-образующих элементов и основанных на них отношений; данные пласты образуют внутри общества анклавы, эффективность организованности которых дает возможность анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата¹⁸.

Итак, диффузия является одним из механизмов, которые используются в процессе и в целях модернизации. Диффузия определяет векторы экзогенного развития и позволяет объяснить некоторые аспекты исторического процесса — но, конечно, не все. Помимо внешних влияний, их взаимодействия с внутренними чертами и синтеза, существуют и имманентная логика процессов, обусловленная действием эндогенных факторов. Сами результаты диффузии находятся в существенной зависимости от того исторического контекста, к которым им приходится адаптироваться. Общий ход развития будет успешным лишь в том случае, если удастся гармонизировать его эндогенные и экзогенные составляющие. Как верно отмечает профессор С. Дьюб, «нельзя отвергать реальность диффузии идей и инноваций как силы в процессе культурного развития человечества. И те, и другие переступают национальные границы. Но идеи, институты и технологии должны быть приспособлены к эндогенному этосу. Ни одно общество не может остаться вне влияния экзогенных факторов»¹⁹. Исторический контекст в состоянии кардинально видоизменить инновации, поэтому, согласно концепции зависимости от пути развития²⁰, введение идентичных нормативных систем и практик в обществах с различными институциональными средами может вести к совершенно разным результатам. Тем не менее, анализ внешних сторон явлений вносит определенный вклад в изучение многогранного мира социальных изменений в ходе истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // *Время мира. Альманах*. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 345–354.

² *Общественно-политическая мысль европейского Просвещения*. М., 2002.

³ Pollard S. *Peaceful Conquest. The Industrialization of Europe 1760–1970*. Oxford, 1995.

⁴ См.: *Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы*. М., 1988. С. 141–145, 149–154, 163–169; Левин М.Г., Токарев С.А. *Культурно-историческая школа на новом этапе // Советская этнография*. 1953. № 4; Токарев С.А. *История зарубежной этнографии*. М., 1978; Чеснов Я.В. *Теория «культурных связей» в аме-*

риканской этнографии // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976; Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // Концепции зарубежной этнологии...; Марков Г.Е. Немецкая этнология. М., 2004. С. 49–89; Kroeber A.L. Diffusionism // Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by E. Etzioni-Halevi and A. Etzioni. New York: Basic Books, 1973. P. 140–144; Боас Ф. Эволюция или диффузия // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 343–347.

⁵ Альфред Кребер определяет диффузию как процесс, «посредством которого распространяются элементы или системы культуры; посредством которого изобретение или новый институт, принятый в определенном месте, внедряется в соседних местах, до тех пор, пока не распространится по всему земному шару» (Kroeber A.L. Diffusionism... P. 140).

⁶ См.: Schon D.A. Beyond the Stable State. N.Y., 1971. P. 81–87; Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 80–82; Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. М., 2001. С. 181.

⁷ См.: Vago S. Social Change. P. 12–13, 80–82, 117–121; Rogers E.M. Diffusion of Innovations. N.Y., 1983; Плотинский Ю.М. Модели социальных процессов. С. 181.

⁸ См.: Хеншоу Д. Модели сельскохозяйственного производства // Модели в географии. М., 1971. С. 164–166, 168–169.

⁹ Необходимо признать, что концепт диффузия использовался некоторыми представителями модернизационной перспективы классического периода. Так, по мнению Л. Пая, модернизация предположительно диффузия т.н. «мировой культуры». Последняя интерпретировалась как «основанная на передовых технологиях и духе науки, на рациональном взгляде на жизнь, на секулярном подходе к социальным отношениям. На признании в политической сфере нации-государства в качестве главной политической единицы» (Pye L.W. Aspects of Political Development. Boston: Little, Brown, 1965. P. 8).

¹⁰ Дэлф В. Теория модернизации и различные пути общественного развития // Социс. 1998. № 8.

¹¹ Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.

¹² Ibid. P. 106–128.

¹³ Westney D.E. Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.

¹⁴ Cohen E. Thailand, Burma and Laos — An Outline of the Comparative Social Dynamics of Three Theravada Buddhist Societies in the Modern Era // Eisenstadt S.N. (ed.). Patterns of Modernity. New York: New York University Press, 1987. Vol. II: Beyond the West.

¹⁵ Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992; Idem. Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin; New York: De Gruyter, 1995. P. 216–218, 226–231.

¹⁶ Малаш М. Краткий XX век // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 122.

¹⁷ Rueschmeyer D. Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons/ Ed. by J.C. Loubser et al. N.Y., 1976. Vol. 2. P. 756–772.

¹⁸ См.: Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60–69; Они же. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток–Запад–Россия. М., 2002. С. 109–128.

¹⁹ Dube S.C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms. Tokyo, London, 1988. P. 6.

²⁰ См.: North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 100–101; Роули Д. Методологические аспекты изучения истории России (Зависимость от пути развития и плановая политика в СССР) // Материалы науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова 2–3 декабря 1996 г. М., 1997; Нестеренко А.П. Экономика и институциональная теория. М., 2002; Кирдяна С.Г. X- и Y-экономики: Институциональный анализ. М., 2004.

*О.С. Поршнев
(Екатеринбург)*

КОНЦЕПЦИИ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

На рубеже XX–XXI вв. историографическим фактом стало значительное продвижение отечественных историков и общественников в осмыслении природы современных процессов в сфере методологии исторического познания¹. Стало очевидным, что расширение предметного поля исторических исследований, включающего вопросы, традиционно решаемые смежными науками, изменение самого «фокуса» познания, в центре которого стал находиться человек, создало предпосылки для кардинального обновления облика исторической дисциплины. Суть его — в превращении истории в междисциплинарную науку, синтезирующую исследовательские результаты и технологии всех социальных и гуманитарных дисциплин в изучении человека и общества прошлого². Последние не только оказывают влияние на способы исторической интерпретации, но и позволяют существенно расширить арсенал его средств, которые представлены прежде всего научными методами. Значительные достижения в изучении исторических форм индивидуального и коллективного сознания, механизмов социального и